

ЕЛЕНА БОРОДА
ЧУЖОЙ КАМЕННЫЙ ВЕК

Елена Борода

Чужой каменный век

<https://litres.ru/73859066>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир находится на грани гибели, а разумные народы продолжают вести борьбу. Только два человека убеждены, что перед лицом общей беды надо объединяться, а не воевать. И у них даже есть план – очень дерзкий, опасный и почти невыполнимый. Но кто бы их послушал – подростков в каменном веке и за людей-то не считают. Но Евдокия так просто не сдаётся. Она из породы гениев, и именно здесь, в чужой вселенной, её природа начинает пробуждаться. Чтобы избежать катастрофы, нужно погрузиться в тайны прошлого, которые связаны с гением-отступником Гермесом. Кстати, такой ли он злодей, как о нём рассказывают? Это вторая книга цикла.

Елена Борода

Чужой каменный век

Часть I.

Сезон штормов

1.

Земля Тланы, прошлое

Бакче имел право возмущаться. И не надо смотреть на него так осуждающе!

Эти, впрочем, не осуждали. Просто выжидали. Или любопытствовали. Их не поймёшь. Выставят головы поверх воды и сверкают своими огромными глазищами. Молчат.

Бакче, тяжело дыша, рухнул в бурый песок. Он липнет к коже, и руки, и босые ноги теперь все в мелких чешуйках.

Он приподнялся. Хмуро огляделся вокруг. Однако порядком он тут нарыхлил, пока бесновался. И в море всего понакидал. Как будто море в чём-то виновато.

А кто виноват? Кто виноват-то?

Бакче посадил тыкву, Бакче её растил, сил не жалея. Каждое утро спешил на огородик, чтобы улыбнуться своему румяному солнышку. Солнышко наливалось и росло. И, наверное, было благодарно. Бакче ни одну вреднюгу не подпу-

стил к своей любимице. Сам, собственными руками собирал мелких чере-вяков, и мышей гонял нещадно. От настоящего солнышка тенью закрывал, когда жарило совсем уж нестерпимо.

И что?

И нет яркого чуда!

Как будто и не было никогда! Серая земля изрытая чере-вяками, травка вокруг, а тыквы даже следов не осталось. Ни одного резного листочка-зонтика, ни шершавого стебелёчка, ни корешка какого! Как так-то?

Тыква была подарком. Бакче думал: снимет тыкву, взвалит на плечо и отправится к Лине. Чтобы Лина видела, что Бакче не только умелый – такое чудо вырастил, – но и сильный.

Лина выглянет в окно сначала. Помедлит чутка – может, перед зеркалом покрутится, а может, и так просто, чтобы Бакче о себе не воображал. Потом выйдет на крыльцо. И ахнет. Конечно, ахнет – та-кая тыква! Тыквища!

А Бакче знает, кто виноват! Кертке, вот кто!

Он тоже к Лине дорожку пробивает. Думает, песенками своими да шутками девчонку очарует.

Нет, Лине серьёзный человек нужен. Не такой бездельник, как этот певун.

Ну, конечно, Кертке парень красивый. И язык у него заточен что надо. Как скажет что-нибудь, Бакче полчаса думает, что бы ответить, а вокруг все со смеху покатываются. И

Лина тоже!

Бакче с досадой ударил кулаком в песок, вспоминая. Сколько раз такое бывало! И Лина смеялась, смеялась! Бакче век бы слушал, как она смеётся. Если бы она не над ним хохотала.

Она, правда, твердила, что ничего страшного в этом нет. Да и Кертке хлопал по плечу и говорил, что на его шутки обижается он один. Но Бакче всё равно злился.

Ленивый этот Кертке. И легкомысленный. А теперь, выходит, ещё и вор!

Бакче со злости повыдергал всё до корешка у себя в огороде, снёс забор – ну, это он сгоряча, и забор-то оказался хлипкий. И побросал всё в море.

Эти наблюдали.

Бакче их сначала не заметил, не то бы поостерёгся кидаться. Они плавали вдалеке, бесцельно резвились, гоняясь друг за другом. Вот ведь народ: никакой заботы у них нет. Ну, какая может быть печаль, если ты живёшь в воде?

Теперь Бакче угрюмо сидел на берегу. Песок щекотал кожу, море услужливо бросало к его ногам всё, чем он так поспешно жертвовал, только теперь всё это никуда не годилось: обломки досок, овощи, ещё целые и уже размокшие.

Эти смотрели дружелюбно. И внимательно. И вроде бы даже с сочувствием. Но помочь не могли.

Никто не мог Бакче помочь.

Бакче имел право удивляться!

Тыква росла на прежнем месте.

В целости и сохранности оказалось и всё остальное. Петрушка, капуста, кусты жимолости, молоденькая черешня, ну и остальные мелочи. Забор опять же.

Бакче протёр глаза. Раннее утро, он только что встал.

Странное чувство.

Он же помнит, как уже по тёмному добрался домой, искал калитку, сообразил, что какая ему калитка, забора-то нет! Забрался домой и завалился спать.

Ему что же, приснилось всё?

– Бакче?

Он вздрогнул. обернулся.

Кертке! Стоит, улыбается, опирается на забор. За спиной укулеле.

Чего пришёл? – хотелось спросить, да язык, как всегда, не повернулся. Кертке улыбался по-хорошему, без всякой насмешки. Конечно, перед кем ему похвалиться, Лины-то нет рядом!

– Лина завтра шестнадцатое лето отмечает. Пировать зовёт. Пойдёшь?

Бакче пожал плечами. Очень хотелось, конечно, к Лине на праздник.

– Пойдём! – звал Кертке. – Весело будет. Хорошая тыква, – заметил он. – Умеешь ты, Бакче, ладить с землёй. Талант у тебя!

Бакче хмыкнул. Приятно было такое слышать. Даже от Кертке. Если бы то же самое он сказал при Лине! Хотя зачем? Завтра Бакче принесёт ей в подарок тыкву, Лина её увидит и сама всё поймёт.

— Так до завтра, что ли? — Кертке выпрямился, шагнул от забора. — Пойду прогуляюсь по берегу.

Он подмигнул и зашагал к морю, которое виднелось на горизонте, на ходу расчехляя укулеле и что-то уже настраиваясь петь.

Хорошо всё-таки поёт Кертке. К нему даже *эти* прислушиваются. Да не так, как обычно, торчат безмолвными пенёчками из воды, а скользят в волнах, прижимая и вытягивая ласты. Будто танцуют.

Весь день Бакче провозился в любимом огороде. О вчерашнем уже и не вспоминал. Какой-то дурной сон, не иначе.

Вечером сидел на крыльце, ел хлеб, запивал квасом и с удовольствием осматривался. Может быть, у него и правда талант.

Ночью он отчего-то проснулся. Вышел из дома, упал рядом с тыквой, обнял своё сокровище.

За забором маячили неясные тени. Бакче не испугался, он не первый раз видел такое. Будто фигуры, сотканые из тумана. Похожи на людей, только очень высокие.

Ещё одни соседи. Как *эти*.

Только *другие*.

Эти жили рядом и не мешали. Ну да, любопытствовали

иногда, но не больше. *Другие* были какие-то подозрительные. Бакче махнул рукой в сторону гостей: хотел прогнать, но вдруг передумал, и жест получился незавершённый, невнятный.

Другие шевелились там, за забором, менялись местами, но без звуков. Что же они все молчаливые такие, — подумал Бакче. — Соседи!

Так и заснул с тыквой в обнимку...

...а проснулся в своей постели.

Или в чужой?

Одеяло наполовину сползло, подушка пахла непривычно, но приятно, а потянувшись со сна, Бакче обнаружил под одеялом чужую ногу.

Сон моментально слетел. Бакче едва не грохнулся с кровати.

Рядом, на другой подушке, лежала голова Лины.

Лина хмурилась во сне, и это было так мило, что Бакче забыл удивиться — только любовался.

Наконец Лина открыла глаза.

— Чего уставился? — спросила она хриплым голосом. — Как будто первый раз видишь.

Бакче хотел сказать, что вот так, в одной постели, — действительно в первый раз, но почему-то оробел, смолчал.

Лина поднялась, повернувшись спиной и свесив ноги по другую сторону кровати, что-то пробурчала из-за плеча. Бак-

че не расслышал.

Солнце совсем взошло, и Лина уже яростно мела пол, как-то так замысловато подоткнув подол, что выходило даже и красиво – особенно потому что мелькали её крепкие загорелые ноги.

Обнаружилось, что она хмурится не только во сне – недовольная гримаска не сходила с её лица, и это уже не умиляло.

Бакче поспешно поднял ноги, когда Лина прошла веником перед ним. И ещё раз – когда махнула в обратную сторону.

Наверное, она злилась, что Бакче сидит и ничего не делает, когда она трудится. Но он не знал, как себя вести. Кто тут хозяин: Лина или он? Да его ли это дом вообще?

Похоже, что его.

Он выглянул в окно. Так и есть! Огород на месте.

И тыквы, тыквы! Пять штук, только что же маленькие такие!

– Бакче! – Лина стояла перед ним, руки в боки, подол уже опустила. – Ты обещал освободить мне место у забора. Убери свои тыквы, ну!

– Ка-как же тыквы? – расстроился Бакче. – Зачем тебе место у забора?

– Огороду кусок, кур разведу.

Бакче нахмурился. Он любил тыквы. Такие они круглые, радостные, улыбчивые! А куры что? Птица глупая, забивать придётся, даже привязаться нельзя.

Он шагнул с крыльца во двор, из тени на солнце, – и зажмурился. На горизонте виднелась полоса, по яркости не уступавшая солнцу. Красиво, Бакче никогда такого не видел, даже на рассвете. Словно золотое лезвие, отрезавшее небо от моря.

Глаза заслезились, Бакче поспешно отвернулся.

Возле грядки с тыквами стояла воткнутая в землю лопата. Тыквы, конечно, не впечатляли. Мелкие уродились. Но разве в этом дело?

– Не буду рубить тыквы! – вдруг обозлился Бакче.

Он изо всех сил пнул лопату. Она не упала, но накренилась.

Бакче перемахнул через забор и побежал в сторону моря, стараясь, чтобы ветер гудел в ушах и не давал ему слышать слова, что Лина кричала вслед.

На берегу сидел Кертке. Увидев Бакче, поднял голову и улыбнулся.

– А-а, Бакче! Садись!

Он подвинулся, будто на песке было мало места.

Бакче подумал и сел. Шум волн звучал приятнее, чем голос Лины. Золотая полоса на горизонте сверкала. Она, кажется, стала шире. Бакче хотел спросить, что это такое, но Кертке заговорил первым.

– Что такой грустный, Бакче?

– Так...

Что ответить? Тыквы мелкие, Лина вздорная, да ещё ум

мешается. Это же надо – прожить за минувшие дни целых три жизни!

– А я слушал *этих*, Бакче, – Кертке и не ждал ответа. – Тревожную песню они пели. Такую тревожную, Бакче!

Кертке покачал головой.

Этих видно не было. Странно даже. Море волновалось, но не сильно, обычно они в такую погоду любят поиграть. Гоняются друг за другом, поднимают тучи брызг. Но не сегодня.

– О том, что пришли *другие*, и они хотят стать хозяевами в нашем доме. Слышишь меня, Бакче?

– Слышу, – глухо отозвался Бакче.

Ему стало тревожно и зябко, и захотелось, чтобы Кертке сам спел что-нибудь. Пусть даже одну из своих дурацких насмешливых песен, что он сочиняет на ходу.

– Где твои укулеле и дудки? – спросил он. – Слушал он! Почему сам не играешь?

Кертке отшатнулся. Глаза у него стали огромными и круглыми, почти как у *этих*.

– Грешно тебе, – сказал он.

И только тут Бакче увидел его руки. Скрюченные уродливые пальцы. Такие не то что инструмент – ложку с трудом удержат.

Ещё никогда Бакче не было так страшно!

– Что происходит? – он вскочил, потянул за ворот перепуганного Кертке. – Что происходит? – орал ему в лицо.

Потом зашёл в воду, двинулся навстречу разросшейся зо-

лотой полосе, которая уже не казалась красивой, и уже просто выл, не зная, у кого спросить и пригрозить кому.

Что происходит в моём мире?

Потом уже, когда волны затопили берег, и огород, и дом, и соседей, что жили выше дома, и многие, если не все, погибли в этом чудовищном приливе, а они втроём – Лина, Кертке и Бакче, из последних сил карабкались по сползающему склону, он подумал, что готов со многим примириться. С мелкими тыквами. С исчезнувшими тыквами. И пусть бы Лина осталась с Кертке. Может быть, с ним она не была бы такой ворчливой и недовольной. Бакче всё бы принял. Но ему не оставили выбора.

А потом они сидели на единственном клочке суши, прижавшись друг к дружке. Кертке трясло, но он старался унять дрожь. Лина уже не хмурилась, она стала похожа на прежнюю Лину, гибкую, стройную, смешливую.

Бакче думал, что вот как быстро всё случилось. И небо уже было полностью одного цвета, но золото разошлось, померкло, и глазам не больно. А на горизонте разрасталась другая полоса – чёрная, и они втроём понимали, что это конец.

2.

Просто мир, настоящее

Евдокия сидела за крайним столом у окна маленькой кофейни и глотала безвкусный компот. Или морс, она не разбирала.

А за дальним столиком расположился Антон, который ругался со своей девушкой и время от времени бросал злобные взгляды на Евдокию. Она уходить не собиралась, и даже глаз не опускала. Не потому что наглая и не признаёт личных границ. А потому что любому терпению приходит конец.

Сентябрь начался безрадостно. Евдокия училась не со всеми вместе, а дома, уже давно, так сложилось. Точнее, не сложилось: на домашнее обучение просто так не убегают.

Сводного брата она всегда считала лучшим другом. То, что папа Евдокии когда-то, ещё давно, ушёл к маме Антона, дружбе не мешало. В начале лета они ещё вместе отметили день рождения Евдокии. А в августе Антона будто подменили! Во-первых, он стал носить очки. Хотя раньше носил линзы. Во-вторых, приобрёл разные вредные привычки, стал курить и ругаться. На этой почве он постоянно ссорился со своей Ангелиной – а ведь так долго её добивался! Вот и ещё звоночек: Антон никогда ни с кем не ругался. Вообще никогда!

Ну и перестал общаться с Евдокией. Разумеется, она пыталась поговорить, но на телефонные звонки он не отвечал, а при встрече смотрел драконом и сразу же уходил. Убегал даже.

Евдокия хлюпнула остатками морса и зажала в зубах коктейльную трубочку, не отводя глаз от Антона с Ангелиной. Она твёрдо намеревалась дождаться конца их ссоры и немедленно организовать свою.

Долго ждать не пришлось. Ангелина вскочила и, похватав вещи, ринулась к выходу. Евдокия нашарила висевший на ручке рюкзака талисман-подкову и сжала её в кулаке. На удачу. На этот раз брату не уйти.

Он и не собирался. Прищулив глаза, смотрел, как она приближается к нему, огибая столы и высокие кресла. И улыбался.

...А через несколько минут Евдокия мчалась по улице с прыгающим на спине рюкзаком, задыхаясь и всхлипывая. Всё выяснила? Довольна?

Словно в ответ на её настроение небо померкло. Там, словно испуганные птицы, тревожно перемещались облака, они ходили кругами, закручиваясь в огромную воронку.

У перехода она остановилась, сморгнула набежавшие слёзы.

– Стой!

Антон? Чего он теперь от неё хочет? Извиниться или добить окончательно? То, что он сказал, забыть трудно!

Евдокия метнулась через переход на последних секундах зелёного. Она успела. Антон нет. Их разделил поток автомобилей. Стараясь заглушить шум и грохот дороги, она крикнула:

– Не подходи ко мне больше никогда! Никогда!

Сверху гроыхнуло – словно мироздание с ней соглашалось. Она повернулась и побежала. Но брат перешёл дорогу со следующим потоком и теперь догонял.

– Стой, ненормальная!

А вот и ливень! Первые капли дождя – а потом сплошной поток воды. Евдокия заметалась. Поблизости не оказалось никакого укрытия, кроме старого автобуса, который давным-давно стоял на этом месте, никому не нужный. Но сейчас ей казалось, что она бежит к уходящему транспорту: опоздает на секунду, и автобус тронется, уйдет без неё. Она взлетела по ступенькам, хрустнув битым стеклом. Успела!

Но стекляшки хрустнули вновь – в дверях нарисовался силуэт Антона. Упорный, однако! Тоже, что ли, тоже спрятаться негде?

Он что-то сказал – Евдокия ничего не разобрала в шуме ливня. Зажав руками уши, она устремила к кабине водителя. Сверкнула молния, и на мгновение показалось, что автобус поднялся над землёй. Она кинулась к выходу. Лучше промокнуть, чем с ним под одной крышей!

– Дося, стой! Ты потеряла...

Это было последнее, что она услышала, выпрыгивая наружу. Показалось, будто нырнула – такой ливень обрушился сверху. Воздуха совсем не осталось. Она моментально промокла и ослепла.

Потом повернулась и шагнула назад, пытаясь найти автобус. Он исчез. А вместе с ним исчезли дома, и асфальтовая дорожка, по которой она бежала, и остановка, и пешеходный переход...

Вокруг возвышались непонятные каменные глыбы. Из-

под ног уходила дорога, тоже каменная. Камни были похожи на чуть оплавленный и затвердевший сыр: большие такие глыбы сыра, гладкие, с круглыми дырочками. Местами от них исходил едва заметный свет, это было необычно и странно.

По одну сторону – камни, по другую – пологий берег. На берег обрушивались яростные волны. Темнело как-то стремительно, и свечение от камней становилось всё явственнее. Дорога терялась в сумрачной дали, а вокруг бушевал океан.

– Вот та-ак! – озадаченно протянула Евдокия, пританцовывая на месте от холода. – Куда же меня забросило-то?

Она схватилась за ручку рюкзака. Подкова исчезла.

3.

Земля Тланы, настоящее

Непонятная дорога уходила в обе стороны. Но куда идти, чтобы попасть на берег? И есть ли он тут вообще? Она поскользнулась и упала.

Несколько мгновений Евдокия не двигалась, скованная непонятным чувством. Вообще-то она поняла, что произошло. Её перебросило. Такое уже случалось, но, честно говоря, она до сих пор не верила в реальность своего приключения. Чем дальше по времени, тем больше её первое путешествие напоминало сон.

Вселенных много. Они рождаются и наслаиваются друг на друга, как древесные кольца. Потом стареют и умирают.

Растворяются, как круги на воде. Но миры ведь не люди, их жизнь гораздо длиннее. Хотя, наверное, она зависит от людей или кто там ещё может населять мир.

Какая сила тянула её сквозь брешь мироздания? Почему именно её? Она не могла объяснить. Она чувствовала себя беспомощным насекомым, маленькой пчёлкой, которую влечёт мощный и неуправляемый поток. И от этого было страшно. Наверное, нужно было учиться – сопротивляться этому потоку или управлять им. И выживать в чужом мире, конечно. А она и в своём-то этого не умела.

Евдокия поднялась и пошла наугад. Дождь продолжал идти, но это был уже не ливень, а крупная морось.

И вдруг послышался крик: сначала громкий, потом тихий, переходящий в стон. Словно кричавший пытался сдержаться. Она осторожно пошла вперёд и скоро увидела людей. Темнота мешала разглядеть их как следует. Она остановилась и прислушалась.

– Он же не сделал вам ничего плохого, ничего плохого! Симмике! Отпусти его, отпусти! Пожалуйста!

Голос совсем мальчишеский. Он и принадлежал мальчишке.

– Отпусти! Я прошу тебя!

– Просишь? Это мне нравится, это мне нравится, – отвечал другой голос, тоже мальчишеский, но с пробивающимся баском. – Проси ещё, проси лучше!

– Я отдам тебе весь завтрашний улов. И послезавтрашний

тоже. Возьми всё, что я поймаю за неделю, всё, что я поймаю, только отпусти его!

– Он поймает, Сим! – вмешался третий. – Ему эти твари нагонят рыбы в сети, нагонят рыбы. Не то, что нам...

– Кхм, ну что ж... Я выполню первую часть твоей просьбы, первую часть. Возьму недельный улов. Ха-ха-ха!

Остальные тоже засмеялись. Евдокия содрогнулась. Смех ей не понравился. Перед ней явно разыгрывалась сцена из серии «все на одного». Её сочувствие в таких случаях обычно принадлежало «одному». К тому же этот «один», кажется, прав. Во всяком случае, он пытается кого-то защитить.

Она оценила ситуацию. Один, два, три... Семь хулиганов. – Я убью тебя! – крикнул мальчишка, кидаясь на обидчика.

Евдокия тоже невольно вскрикнула.

Все обернулись к ней. Тот, с кем мальчишка спорил, неторопливо откинул капюшон и подошёл ближе. В неверном и странном свете, исходящем от камня, Евдокия смогла его рассмотреть. У него был внушительный, выдающийся вперёд подбородок. Иногда такая черта придаёт лицу мужественности. А иногда делает похожим на обезьяну. Вот это был второй вариант. Неприятное лицо. Но самым неприятным оказалось то, что задира был старше, чем она думала.

Евдокия глубоко вздохнула. Учиться так учиться! Урок первый: семеро против двух.

– Ты кто?

– Считай, что призрак!

– И что тебе надо? Что тебе надо?

– Вам надо всё повторять по два раза?

Евдокия заметила, как двое из компании потихоньку перемещаются назад, пытаясь её обойти. Вот это уже ни к чему.

Она отступила на шаг, рука скользнула в карман, словно она надеялась отыскать оружие. Ничего подходящего там, разумеется, не было. Она нащупала только гладкую пластиночку зажигалки. Так себе помощь. И идея так себе – ввязываться в чужие разборки.

А обидчики, конечно, почувствовали её замешательство. Противный Симмике криво усмехнулся и переступил с ноги на ногу, словно разминаясь.

Евдокия вытащила зажигалку и щёлкнула, выпуская огонь. Хотя бы разглядеть их получше...

Она не поняла, что произошло дальше. Крики, полные ужаса, мощный порыв ветра – или это её так оттолкнули, - и семь фигур мелькают вдали, сливаясь друг с другом. А маленький огонёк трепещет на ветру, перемигиваясь с мерцающими пятнами стены, которые, кажется, стали как будто ярче.

Убежали все, кроме мальчишки, которого бросили возле гладкого камня. По счастью, тот не покалечился и теперь смотрел на неё снизу вверх. Примерно ровесник или даже чуть помладше. Одет в куртку не по росту. Огромные испуганные глаза. Евдокия шагнула к нему. Он дёрнулся, прижи-

маясь к камню.

– Убери это, – приглушённо произнес он, указывая на огонь.

Она пожала плечами и убрала зажигалку в карман.

Секунду мальчишка сидел, замерев. Потом будто очнулся и припал к большому камню, отличавшемуся от остальных. Другие были светлыми и мерцающими, этот – гладким и чёрным. Евдокии показалось, что мальчишка не двигается, но вот он судорожно дернул плечом, будто выдергивая что-то непомерно тугое. Раздался короткий глухой стон.

– Потерпи, Лаки, потерпи. Я стараюсь, ты же видишь...

Евдокия сдержанно ахнула, разглядев, что это никакой не камень, а крупное животное, вроде тюленя, с гладкой круглой головой и большими блестящими глазами. Мальчишка обернулся к ней.

– Помоги, а? – просительно сказал он. – Мне одному не справиться.

– А что случилось-то? – спросила Евдокия, обходя тюленя и присаживаясь рядом.

– Лаки напоролся на сетку, – пояснил тот, не поднимая головы.

Капюшон вновь упал на его лицо, и капли дождя, стекая по намокшей брезентовой ткани, падали ему на руки.

Трудился он над сетью, утыканной зубьями. Какое-то варварское изобретение: зубья были натуральными зубами, крокодильими или ещё какого хищника.

Ласты у тюленя оказались длинными и подвижными. К счастью, зубья были не такими длинными, чтобы причинить ему ощутимый вред, однако поцарапался он довольно сильно.

– Откуда у тебя живой огонь? – спросил мальчишка.

– Из дома захватила. А что? Это запрещено?

Мальчишка сделал большие глаза и покачал головой.

Откуда у неё «живой огонь»? Действительно, откуда бы в кармане у девочки взяться зажигалке? Евдокия внутренне порадовалась, что этот вопрос задала не мама. Потому что зажигалка в кармане – вовсе не признак того, что девочка балуется сигаретами. А даже наоборот.

– Тебе не идёт! – объявила она, подходя вплотную к Антону.

Антон фыркнул. Но курить не перестал. Легким щелчком сбросил пепел, затаился, сплюнул – всё, как «нормальный пацан». Ну, или почти.

– Это не для тебя. Зря стараешься, – повторила она.

Антон нахмурился:

– Не твоё дело!

Она выхватила у него зажигалку – он не успел среагировать.

– Брось это! И объясни наконец, в чём дело! Что я сделала не так, за что ты на меня злишься?

Он стоял, опустил глаза и машинально щёлкая ногтем по

сигарете, сбрасывая нагорающий пепел – единственное, что у него получалось не хуже настоящего курильщика. При этих словах недобро усмехнулся.

– Уверена, что хочешь это услышать?

Она кивнула. На свою беду...

Зажигалка так и осталась, оказывается, в кармане куртки. Что ж, пригодилась, по крайней мере.

– А кто такой этот Симмике? – спросила она. – И что он имеет против тебя?

– Сын местного старосты, – пыхтя, ответил тот. – Мы с ним враги, потому что... Враги, в общем!

Наконец им удалось освободить раненого пленника, и тот, рывком перекатившись на бок, погрузился в воду. Не таким уж он оказался неповоротливым.

Мальчишка встал на ноги. Он смотрел туда, где в волнах скрылся спасённый тюлень. Будто чего-то ожидал. Оказалось, ожидал не напрасно. Тюлень вскоре вынырнул на безопасном расстоянии от сети.

– Спасибо, – донёсся до Евдокии приглушённый голос, несомненно, принадлежавший животному. – Я этого не забуду.

Мальчишка прощальным жестом поднял руку.

– Будь здоров, Лаки! Обязательно предупреди остальных.

– Я скажу всем, не сомневайся! – заверил его тюлень.

С этими словами он нырнул, чтобы уже окончательно

скрыться в глубине.

– Он разговаривает? – изумлённо спросила Евдокия, когда тот исчез.

– Ну да. По-твоему, он должен быть немым? – отозвался мальчишка, отходя от края в сторону каменной стены. – Иди сюда, погрейся, – позвал он, прислоняясь спиной к светящемуся пятну.

Евдокия послушалась. Она протянула руки к камню и ощутила лёгкое покалывание, безболезненное, и, скорее, приятное. Как будто сотни мелких воздушных пузырьков тыкались в ладони. К её удивлению, кроме света, камень излучал ещё и тепло. Не слишком сильно, на расстоянии совсем не ощущалось, но, если прислониться, стена чуть-чуть согревала.

– Ты чего так вырядилась? – спросил мальчишка, прижимая к камню окоченевшие ладони. – У нас сплошной сезон штормов. Тепла ближайшее время не будет.

– Для чего здесь это? – Евдокия кивнула на колючую сеть.

– Для красоты, – буркнул мальчишка.

– Вообще-то я считала, что говорящие тюлени – большая редкость.

– Лаки не тюлень. Он кадарх.

– А-а, – протянула Евдокия, словно это многое объясняло.

– Пойдём, – мальчишка оторвал ладони от стены, по очереди дохнул на них и пошевелил пальцами. – Всю ночь так не простишь.

Евдокия с трудом оторвалась от тёплого камня. Ветер охватил согретую спину с новой силой.

– Ты не здешняя. У тебя кто-то есть в поселке?

– Никого.

– Откуда же ты?

– Долго объяснять. Меня зовут Евдокия. А тебя?

– Ев-докия, – повторил мальчишка. – Трудное имя.

– Можно просто Дуня. Или Дося.

– А я Халмике. Можно просто Мике.

Так они познакомились.

4.

Посёлок Дрангобе располагался на острове. Как позже узнала Евдокия, вся земля здесь представляла собой сплошной архипелаг, состоящий из островов, больших и поменьше.

На каждом таком островке располагался город, или посёлок, или вообще несколько домов. Сообщались в основном по воде. Но между островами, расположенными близко друг к другу, протянулись длинные пешие переходы, мосты и дороги. И мосты, и сами острова были из гортанзии – того самого дырчатого камня, излучавшего тепло и свет. Пологие островки обросли почвой – там росли деревья и трава, там могли даже пахать и сеять.

Высокие, скалистые острова почвы были лишены. Жестокое ветра выдували любое подобие плодородного слоя. За-

то в этих местах океан дарил много жемчуга. Но в основном население везде жило рыбной ловлей.

На вопрос, откуда берется гортанзия, Мике ответил, что поднимается со дна океана и изливается через кастубы. Это такие кратеры, которые есть на каждом острове. Гортанзия, получается, была чем-то вроде застывшей лавы.

– Наш остров бедный, – признал Мике. – Кастуб давно остыл, и гортанзии нет. Её и в хорошие времена было мало. Вот на больших островах даже дома строят из тёплого камня. А мы из обычного, а ещё из плавника с песком.

Пока они шли по крайней улочке, Евдокия с любопытством оглядывала домики, похожие на приземистые грибы, с округлыми крышами. По словам Мике, такие постройки легче выдерживали шторма, которые с каждым годом становились всё более жестокими.

– Переночуешь у меня, – решил Мике. – И пусть эта ведьма говорит, что хочет.

– Какая ведьма?

Мальчишка насупился.

– Мачеха Рида, – ответил он через некоторое время.

Ситуация у него оказалась... Мягкосердечный отец, злюка-мачеха и два избалованных братца-близнеца, их общие дети. Развлекать близнецов и присматривать за ними было обязанностью Мике. Он был бы, в общем, не против, мелких он любил, братья всё-таки. Но ведьма Рида регулярно, по поводу и без повода, не жаловалась на него отцу. Тот, по доб-

роте характера, руки на сына ни разу не поднял. Но, всё по той же доброте и уступчивости, не мог приструнить и свою жену, от которой Мике постоянно доставались упрёки, а то и подзатыльники.

Почти все мужчины Дрангобе рыбачили. Отец Мике тоже.

Мике задержался у входа, глубоко вздохнул, а потом толкнул дверь.

Сваленная в дальнем углу одежда, небрежно прикрытая широким брезентовым плащом. Тусклое зеркало с отпечатавшейся внизу детской пятернёй. У самого входа разнокалиберные ботинки и сапоги, носами друг к другу, пятками врозь. Такое впечатление, что вещи в этом доме перессорились друг с другом.

– Явился! – донёсся женский голос.

За дверью что-то шипело, визжало, стучало и хлопало.

Потом показалась мачеха Рида, а вслед за ней с обеих сторон высунулись две одинаковые рожицы карапузов лет трёх-четырёх.

– Явился, – повторила мачеха. – Полюбуйся, Халмике, на своё отродье, полюбуйся!

Вслед за этим Евдокия увидела мужчину, очень похожего на Мике. Виновато моргая, тот переводил взгляд с жены на сына и обратно. Мике набычился, исподлобья глядя на отца. Близнецы с весёлым любопытством глазели на всех участников семейной сцены.

– Ты где пропадал? – нерешительно начал отец.

Рида топнула ногой. Худощавая и востроносовая, с большими светлыми глазами – её можно было бы даже назвать красивой, если бы не брови, сдвинутые к переносью, и не общее недовольное выражение лица. Она и в самом деле напоминала рассерженную молодую ведьму.

– Ты где болтался, я спрашиваю? – послушно вспыхнул отец. – И кто это с тобой, кто?

Глаза Риды тоже обратились к Евдокии. Оба, казалось, только сейчас заметили девочку.

– Это моя подруга.

– Не рановато ли тебе обзаводиться подругой, не рановато ли? – отец коротко хохотнул и покосился в сторону жены.

Но та не разделяла его веселья.

– Готова поспорить, он опять путался с этими животными, опять! – снова вступила она. – Халмике, сделай что-нибудь! Это переходит все границы, сделай что-нибудь! – потребовала мачеха.

Халмике безмолвствовал, видимо, не зная, что предпринять. Евдокия почувствовала к нему едва ли не большую неприязнь, чем к мачехе.

Мике тяжело задышал.

– С животными? – приглушённым голосом переспросил он. – Да вы все больше животные, чем кадархи!

– Что?! – вскричал Халмике.

– Они в сто раз лучше, чем вы! Они не предают друг друга! Ни один из них не бросит своего сына даже ради самой

красивой львицы!

– Ты забываешься, Мике! – побледнев, произнёс отец.

– А я знала, знала, что этим кончится! – торжествовала Рида.

Один из близнецов от избытка чувств треснул второго по голове. Тот заверещал и тоже полез драться.

Про Евдокию все забыли.

– Я тебя сейчас запру! – прогремел отец. – Посидишь в подвале, пока не одумаешься!

– Ни за что! – крикнул Мике. – Воспитывай своих мальков. А с меня хватит!

Он развернулся и выбежал из дома. И они вновь оказались на улице, на ветру и под дождём. Сначала Мике бежал, потом замедлил шаг.

– Есть поблизости крыша какая-нибудь? – спросила Евдокия, которой хотелось сейчас только одного: высохнуть и согреться. – Хоть пещера или подвал, что ли... Слышишь?

Мике молчал.

– Давай уже решай что-нибудь, пока мы не замёрзли! – крикнула она.

Мальчишка остановился и круто развернулся лицом к ней.

– Не смей мне приказывать! – вскипел он. – Ты не можешь мне приказывать, не можешь! Я мужчина!

– Сопли сначала вытри, – посоветовала Евдокия. – Мужчина!

Мике испуганно утёрся, чем выдал себя с головой. Ревел, значит.

– Пойдём, – сказал он.

– Вот и ладно.

У неё получилось «ланно» – насморк, последствие ледяного душа.

– У тебя есть друзья вообще? – спросила она. – Или здесь все такие, как этот Сим и его дружки?

– Почти все, – буркнул Мике.

Они добрались до крытой лодочной стоянки. Лодки показывались, похожие на больших и толстых рыб. Мике подошёл к одной из них, забрался внутрь и растянул над головой брезент. Общая крыша защищала от дождя, а брезент кое-как прикрывал от ветра.

Мике вытащил откуда-то куртку, такую же, как у него самого, но совсем сухую, протянул Евдокии.

– Вот, возьми. Из одежды больше ничего нет.

Она накинула куртку. Это мало помогло: на ней уже не осталось ни единой сухой нитки. Но не на голое же тело надевать!

Мике поёжился и передёрнул плечами.

– Холодно, – сказал он, будто бы удивляясь. – И есть хочется.

– На, держи!

Она залезла в рюкзак и выудила оттуда шоколадный батончик. Разломила пополам и протянула одну половинку

Мике.

– Спасибо, – поблагодарил тот.

Но, попробовав угощение, скривился.

– Сладкое?

– Ну, – подтвердила Евдокия, дожёвывая свою половинку.

– А ты чего ждал?

– У нас только лечебные сиропы такого вкуса. Но тут уж ничего не поделаешь – лекарство.

– Ну, тогда считай, что это лекарство.

Евдокия прикрыла глаза. Голова отяжелела. Она снова чихнула. Так недолго и воспаление легких заработать. Ну-жен огонь!

Она завозилась, роясь в карманах. Наконец нащупала зажигалку. Выручила один раз, пригодится и во второй. Однако, отсыревшая зажигалка никак не реагировала на щелчки и встряхивания.

– Ты что там делаешь? – забеспокоился Мике.

Вместо ответа Евдокия протянула ему наконец-то встретившийся язычок пламени.

– Ура, – прокомментировала она.

В ту же секунду Мике, подскочив, ударил её по руке, выбив зажигалку. Зажигалка упала за борт и утонула.

– Ты что сделал? – в бешенстве закричала Евдокия.

– Так нельзя!

– Да почему?!

– Это же огонь!

– Что ты говоришь! А я думала, как минимум ядерный взрыв! Можешь вообразить, что я уже вышла из возраста, когда спички детям не игрушка! Да и ты, как ни странно, тоже!

Но глаза Мике были полны ужаса. Руку, которой ударил, он спрятал за спину, словно даже взглянуть на неё боялся. И тут Евдокия узнала, что эта странная цивилизация не знала огня. С живым пламенем они встречались только в случае стихийных бедствий: пожаров или извержений.

Но, по сути, люди не очень-то и нуждались в огне. Острова были тёплыми, климат – до недавнего времени – мягким, дома в отоплении не нуждались, а готовить пищу... Мике уверял, что гортанзиевый песок или даже небольшая плита гортанзии вполне годились для того, чтобы довести рыбу до съедобного состояния.

– Каменный век какой-то, – пробормотала Евдокия.

О костре пришлось забыть. Развести его теперь было нечем. Да у неё и сил не осталось.

Предстояла долгая холодная ночь, а потом утро – и неизвестность...

5.

Ей уже начало что-то сниться, какие-то водопады и краны, из которых хлестала ледяная вода, и она, сознавая, что это не наяву, сердилась на то, что даже во сне не может насладиться теплом и сухостью.

Вдруг лодку качнуло. Евдокия открыла глаза. Она всё ещё наполовину дремала, и толчок показался довольно ощутимым. Мике смотрел на неё, ухватившись за борт. Не показалось. Снова глухо ударило снизу. А мгновение спустя показалась знакомая морда с блестящими в темноте глазами.

– Лаки! – радостно воскликнул Мике. – Ты как здесь оказался, как?

Кадарх фыркнул, словно удивился вопросу.

– Видел из океана вспышку живого огня. Такую же, как на мосту. Я был уверен, что вы вместе, – ответил он. – Хал-Мике-старший приходил к мосту и, кажется, звал тебя.

– Грозился?

Лаки ушел под воду и вынырнул с другой стороны.

– Больше тревожился. Так мне показалось, – сказал он, качаясь на волнах. – А что произошло?

Кадарх странно выговаривал шипящие звуки. «Произошло» – что-то вроде этого.

– Я ушёл из дома, – мрачно признался Мике. – И теперь нам некуда идти.

Кадарх ненадолго задумался, погрузившись в воду, так что видны были только его чёрные зеркальные глаза.

– У меня есть одна идея, – признался он. – Но вам сейчас опасно выходить в океан на лодке. А одному мне вас не утащить. Ага!

Он вновь нырнул.

– Что? – тревожно спросил Мике, перегнувшись через

борт.

– Ждите здесь, – быстро проговорил Лаки.

И скрылся в темноте.

Мике перебрался назад и стал отвязывать лодку от причала.

– Зачем это? – вяло спросила Евдокия.

Ей очень не хотелось покидать своё место и вообще шевелиться.

– Чтобы быть наготове. Лаки обернётся очень скоро, – пояснил он.

Евдокия отвернулась и стала смотреть в сторону океана. То ли издали волны казались не такими большими, то ли буря и в самом деле немного успокоилась, но сейчас океан по-утих, словно утомился.

По сравнению с его пепельно-зеленоватым цветом небо казалось гораздо темнее – какая-то нереальная картина. В довершение фантастичности вдалеке, у самого горизонта, вспыхнул язычок пламени и вспенилось белое облачко, тут же растаяв. Это соседний берег так близко?

Но спросить об этом Мике она не успела.

– Э-эй! – послышался совсем недалеко голос Халмике.

Ребята замерли. Потом, не сговариваясь, перебрались в другую лодку и притаились.

– Мике! – позвал отец, ступая на пристань. – Мике, сынок!

Он подошёл совсем близко. Голос его звучал растерянно, а шаги были нетвёрдыми. И скоро стало ясно, почему.

Отец запрокинул голову и глотнул из бутылки. Побулькав, он крикнул внезапно окрепшим голосом:

– Халмике, вернись!

Евдокия почувствовала, как Мике вздрогнул.

Отец что-то пробормотал и переступил с ноги на ногу. Потом протопал к лодке и тяжело спрыгнул вниз. Послышалось знакомое бульканье. Потом Халмике-старший вздохнул и снова заговорил сам с собой. Можно было расслышать что-то вроде «сам виноват» и «убить мало», но к кому это относилось – к сбежавшему сыну или к самому себе – разобрать трудно.

Внезапно со стороны отцовской лодки донёсся плеск. И ещё один. Кадархи приплыли.

– Кто там? Что это? А-а-а! – закричал Халмике.

Раздался глухой удар, и крик оборвался. Это отец упал на дно лодки. Когда Мике и Евдокия выглянули из своего укрытия, отцовское судёнышко резво удалялось в открытый океан.

– Куда? Вы что, ослепли? Лаки!

Мике подпрыгивал на месте, тщетно пытаясь докричаться до своего ластоногого приятеля. Его никто не слышал. Шум океана заглушал звуки, а лодка удалялась с каждой секундой.

– Далеко уплыли, – заметила Евдокия, вглядываясь вдаль.

– Надо же – тащить лодку с такой скоростью! Сильные животные...

– Кадархи – не животные!

Мике принялся терзать канат, которым была привязана лодка.

– Слушай, а нам обязательно их преследовать? – с сомнением спросила Евдокия. – Ну, обнаружат, что попутали, приволокут его обратно.

– Ты отца видела, в каком он состоянии? – пыхтя, отозвался Мике. – А в лодке гарпуны и сети. Он или сам гробанётся, или поранит кого-нибудь.

Евдокия подумала и стала помогать.

Наконец отвязались, Мике встал к рулю. Как только они оказались за пределами пристани, лодку подхватило волнами и подняло чуть ли не вертикально. Ветер оглушал, сыпал брызгами, не давая вздохнуть и открыть глаз. Евдокии казалось, что они не плывут, а летят. Лодку внезапно тряхнуло, дёрнуло в одну сторону, потом в другую. Мачта треснула и начала медленно крениться набок. Волны набросились на незащищённую лодку, беспрерывно толкая её снизу, исподтишка, но очень настойчиво.

– Ну что?! – закричала Евдокия, стараясь перекрыть шум волн. – Чего ты добился? Спасатель, блин!

Она готова была заплакать от отчаяния, но вместо этого решила разозлиться.

– Я тебя в лодку насильно не тянул! – огрызнулся Мике. – Сама прыгнула!

– Если бы я знала, я бы ни за что... Ай! – вскрикнула она. Лодку снова качнуло, они оказались за бортом. Евдокия

сразу же погрузилась в ледяную воду с головой. Из последних сил рванула на поверхность, не чувствуя ни рук, ни ног. Вынырнув, не заметила ни Мике, ни лодки.

Только ветер и волны.

Ничего не успела, подумала она. Относилось это к её нынешнему приключению, которое, кажется, заканчивалось прямо здесь и сейчас, или к её жизни вообще, она объяснить не смогла бы.

Перед глазами мелькнуло лицо Антона. Он был последним, кого она видела, прежде чем покинуть свой мир. И последним, кто видел в этом мире её саму.

Встречная волна ударила её, опрокинула навзничь и тут же накрыла с головой. Она, кажется, пыталась сопротивляться. Даже воздух из легких не выпустила только потому, что и горло, и шею, и грудную клетку свело судорогой.

Тело онемело и потеряло вес.

Холода уже не ощущалось.

Ничего не ощущалось.

Евдокия парила в невесомости, и это было бы даже приятно, не плавай в её сознании мысль о том, что это конец...

6.

... А во рту – привкус мяты. Сквозь веки пробивается свет. Шелковистая трава щекочет шею, и лицо, и ладони, если пошевелиться. А как благоухает! Будто чудесный व्यюнок, оплёл всё тело, пока оно неподвижно лежало на земле.

Я в раю, решила Евдокия. Глаза открывать не хотелось. Шевелиться тоже. Пения райских птиц она не слышала, зато неподалеку раздавались мелодичные голоса, несомненно, ангельские.

Ангелы разговаривали на незнакомом языке. Интересно, о чём? – подумала Евдокия. Может, о ней? Хотя, скорее всего, у ангелов есть более интересные темы для разговоров.

А вдруг она здесь не насовсем? – мелькнула неуютная мысль, но тут же растворилась. Ухо улавливало бархатные, стрекочущие звуки, зато в речи, кажется, совсем не было шипящих.

Евдокия глубоко вздохнула и тут же ощутила, как тысячи прохладных листочков одновременно прильнули к телу. Она что, правда вся в этой траве? А одежда? Или в раю принято ходить голыми?

Евдокия всё-таки открыла глаза. Она была одета, но поверх одежды её укутывала целая охапка водорослей. Они пахли морем, и дыней, и лимоном. И ещё чем-то вроде этого. В общем, приятно. Удивительно, но одежда почти полностью высохла. Евдокия огляделась. Она сидела на большой платформе из гортанзии. Платформа светилась ровным, тёплым, розоватым светом. От неё исходило такое же ровное, приятное тепло.

Со всех сторон островок окружала вода. Стена, тоже из гортанзии, со всех сторон, наподобие купола, сходилась к отверстию в центре наверху.

Ангельские голоса смолкли. Впрочем, это были не ангелы. Приглядевшись, Евдокия увидела у стены трёх кадархов. Уставившись на неё своими огромными глазами, они молчали.

В облике и поведении кадархов было что-то успокаивающее, и понемногу Евдокию покинуло чувство опасности. Она с любопытством рассматривала этих странных созданий, которых Мика запретил называть животными. Да она и сама понимала, что это разумные существа, не только овладевшие человеческой речью, но и обладавшие собственным языком.

– Как чувствуешь себя, Ев-Даки? – наконец спросил один из них.

– Спасибо, – Евдокия откашлялась: в горле першило. – Спасибо, лучше, чем раньше. А где Мике?

– Он скоро будет здесь.

– Где мы?

– На дне моря, под куполом налыма.

– Под куполом чего?

– Налыма. Подводного обиталища кадархов, места выхода гортанзии.

– Значит, над нами...

– Бушует океан, – подтвердил собеседник.

Евдокия ещё раз осмотрелась. Так это они под водой! И этот купол, и остров, и кратер в центре... Она запрокинула голову. Кроме большого отверстия, купол был пронизан

отверстиями поменьше. Наверное, здесь была налажена какая-то система вентиляции, потому что недостатка воздуха вообще не чувствовалось. Она ткнула пальцем в зияющее отверстие:

– А это, типа, труба?

– Жерло, – кратко ответил кадарх. – Оно поднимается к самой поверхности океана и сообщается с другими отверстиями. Благодаря этому мы дышим тем же воздухом, что и снаружи.

Евдокия опустила глаза и осторожно подползла к кратеру. Но ничего не увидела. Края пропасти были гладкими, и она не рискнула слишком уж приближаться, чтобы не свалиться.

Раздался громкий всплеск, и под куполом появился Лаки. Евдокия уже угадывала его, хотя остальные ластоногие казались ей на одно лицо. Рядом с кадархом болтался Мике, обхватив друга за шею. Оказавшись на островке, Мике закашлялся, отплёвываясь от воды. Потом подполз к охапке водорослей и зарылся в неё. Листочки удивительного растения, словно живые, моментально прильнули к телу, мокрым волосам и одежде, и стали пить. До Евдокии донеслась свежая волна благоухания.

Он поймал её взгляд и кивнул. Потом обратился к Лаки:

– С отцом точно всё в порядке, точно?

– Да, – отозвался кадарх. – Мы оттащили лодку на место, как только поняли, что ошиблись. Хал-Мике даже испугаться не успел.

– Не сказал бы, – заметил Мике. – Он орал так, будто на него напала стая акул.

– Ну да, – смутился Лаки. – Ребята увлеклись. Рванули, как морские кони.

– Это всё шторм, – подтвердил тот, что беседовал с Евдокией. – Из-за волн ничего не видно. А слух у кадархов не то, что у людей. Ты же знаешь.

– Ладно. Хорошо, что теперь он в безопасности, – Мике снова обернулся к Евдокии. – Ты как?

Евдокия хотела ответить, но задохнулась в приступе кашля.

– Пожуй листочек, – посоветовал Мике, оторвав от водорослей крохотный кусочек и положив его в рот.

Евдокия сделала почти то же самое: откусив от своей охапки сразу несколько листьев, принялась активно жевать. Мике расширил глаза. Кадархи тоже с любопытством уставились на неё.

Секунду спустя она поняла причину их интереса. Никакие жевательные резинки с мятой, эвкалиптом, с их суперосвежающим эффектом, не шли в сравнение с этим чудо-растением. Когда она попыталась вдохнуть, ей показалось, что её пронзило до самых пяток. Даже пальцы на ногах сами собой зашевелились. Из глаз потекли слёзы. Она затрясла головой, не в силах выговорить ни слова.

Наконец её отпустило. Она откашлялась и вытерла глаза. Потом покачала головой:

– Айс!

– Что? – не понял Мике.

– Ничего. Поговорка такая.

Мике улыбнулся.

– Лаквария, – пояснил он, разжёвывая свою порцию. – Отлично сушит, потому что воду впитывает тоннами. И от простуды вещь незаменимая.

Обсохший и повеселевший, Мике подмигнул Евдокии:

– Я здесь первый раз. А ты?

Она фыркнула:

– Обычно по субботам я только и делаю, что спускаюсь в селение кадархов и проверяю исправность подводной вентиляции.

Мике недоверчиво вздёрнул брови. Кадархи смотрели на неё своим открытым, бесхитростным взглядом. Иронии он не понимали. Евдокия смущённо откашлялась.

– Как вас зовут? – обратилась она к кадарху, просто чтобы сменить тему.

Того, что разговаривал с ней, звали Ники.

– Даки.

– Рики.

– Вуки, – по очереди представились остальные.

– Рады служить, – отозвался Лаки. – Если вам больше ничего не нужно, то мы вас оставим. Возьмите вот это, – он бросил к их ногам небольшую вытянутую раковину серебристого цвета. – Если что, позовёте. Доброй ночи!

Один за другим кадархи скрылись. Мике подобрал раковину, поднес к губам и слегка дунул. Евдокия ничего не услышала. Зато кадархи одновременно высунули головы из воды. Мике пожал плечами.

– Решил проверить, – сказал он извиняющимся тоном.

– Что это? – спросила Евдокия, когда они уплыли.

– Свисток.

– А! Ультразвук, что ли? – догадалась она. – Тогда почему они говорят, что слышат хуже людей?

– Не хуже. Просто по-другому. У кадархов две пары ушей: одни такие же, как наши, а другие слышат высокие звуки, которые мы слышать не можем. И говорят они на два голоса. Но нам кажется, что у них только один. Ладно. Давай укладываться.

– Как долго мы здесь пробудем? – тревожно спросила Евдокия.

– А что?

– Ну, кадархи, конечно, гостеприимные, – она замялась, – создания. Но не можем же мы поселиться навеки в этом... налыме.

– Ты прямо сейчас хочешь это обсудить?

Мике сосредоточено раскладывал ворох лаквари, сооружая что-то вроде гнезда и налаживаясь спать.

– Нет, – подумав, ответила Евдокия. – Пожалуй, отложим до завтра.

Она тоже принялась устраивать себе постель. Пристроив-

шись среди шелковистых стеблей лаквари, которые, мучимые вечной жаждой, тотчас потянулись к ней, она ощутила, что сил совсем не осталось. Надо же, сегодня утром она ещё была дома! Даже не верится.

– Расскажи, как ты подружился с Лаки, – зевнув, попросила она.

– Да тут и рассказывать особенно нечего, – отозвался Мике. – Отец рыбачил и взял меня с собой. Львёнка мы встретили недалеко от берега. – Мике усмехнулся, голос его потеплел. – Лаки по-человечески разговаривать толком не умел, но имя своё назвал. Пока отец выбирал улов, мы с ним познакомились. Плавали наперегонки, веселились. Он провожал нас до самого берега. С тех пор дружим. Мы с Лаки ровесники, но кадархи взрослеют быстрее, чем люди. Вот и всё, ничего особенного.

Потом Лаки спас его от полосатой акулы. И когда мальчик первый раз убежал, поссорившись с отцом, Лаки тоже был рядом.

– Нет, люди и кадархи, конечно, никогда друг другу не доверяли. Но жили мирно. Даже помогали, бывало, – заключил Мике.

– А сейчас?

– Ты видела сеть, в которую попался Лаки? Вот тебе и ответ!

– Но почему?

– Потому что люди – самые настоящие хищники! Ладно,

давай спать.

Он снова угас. Евдокия не стала продолжать, тем более что у неё самой уже слипались глаза. Заснула она мгновенно.

7.

Евдокия проснулась от разноголосого шума, а ещё от того, что кто-то щекотал её нос. Открыв глаза, она увидела прямо перед собой морду маленького кадарха. Львёнок старательно изучал её лицо, слегка касаясь его мягкими усиками.

Она вскочила. Раздался смех. Смеялся Мике. Он сидел на краю островка в окружении маленьких львят.

– Не бойся, – сказал Мике. – Буки не терпелось тебя разбудить и встретиться лицом к лицу. Он тебе доверяет.

– Очень рада, – пробормотала Евдокия, высвобождаясь из водорослей.

Кругом кадархи. Евдокия наконец поняла, почему их называют львами. У взрослых была грива, как у настоящих львов, густая и, кажется, жёсткая. Львицы были лишены такой роскоши. Зато они могли похвастать оттенками шерсти: от светло-коричневого до угольно-чёрного. Львы же в основном были чёрные или бурые.

– Это и есть община кадархов? – негромко спросила Евдокия, подсаживаясь к Мике.

– Это всего лишь семья Лаки. То есть его отца, Вики-Вики. Хотя он – да, один из вожаков общины. Вот он сам, а вон его жёны.

Евдокия перевела взгляд с крупного вожака на группу львиц, оживлённо обсуждающих что-то на своем щебечущем языке.

– И много у него жён? – поинтересовалась она.

– Ну да. Он же вожак.

Вики-Вики двинулся к ним.

– Тебя зовут Ев-Даки? – спросил он, поздоровавшись.

Евдокия уже второй раз слышала своё имя, переименованное кадархами. Что ж, если она странник, то смена имени – часть имиджа.

– Я хочу поблагодарить тебя, Ев-Даки, за спасение моего сына Лаки.

– Присоединяюсь, – вмешалась приблизившаяся львица.

– Я мать Лаки. Сын рассказал нам.

– Признаюсь, мы не очень доверяли дружбе Лаки и Хал-Мике. Кадархи и люди живут по-разному, – продолжал вожак, ласково кивнув львице. – Но мы ошибались. С вашей стороны это мужественный поступок. Мы не думали, что кто-то из людей на это способен. Особенно сейчас.

Евдокия хмыкнула.

– Честно говоря, я не в теме. Я не знаю, почему кадархи воюют с людьми. Или наоборот, – поспешно поправились она, уловив взгляд вожака.

– Как это не знаешь? Откуда ты явилась?

– Боюсь, этого места нет на ваших картах.

Кадарх обменялся взглядом с женой.

– Мне кажется, малыши скучают без Хал-Мике, – задумчиво произнёс он.

Мике с готовностью отправился к компании львят, которые встретили его восторженным писком. Вот уж кто-кто, а молодняк недоверия к людям не испытывал.

– Так ты – гений? – сказал вожак, дождавшись, когда Мике удалится.

– Да ладно! – смутилась Евдокия. – Вы как-то уж чересчур горячо меня благодарите. Это вообще Мике старался, а я просто рядом стояла.

– Ты не поняла, – мягко произнёс Вики-Вики. – Твои умственные способности тут вообще ни при чём. Есть раса гениев.

Вики-Вики говорил об этом спокойно. Его совсем не удивил тот факт, что Евдокия из другого мира. Может быть, вожакам не полагалось удивляться.

Миры создаются и меняются. И умирают, конечно же, когда состарятся. Но до того, как они умрут, есть время что-то изменить к лучшему. В основном это задача насельников: за свой мир каждый отвечает сам. Но когда проблема слишком уж сложная, на помощь приходят гении. Они разные.

Есть аписы. Они владеют магией пространства и способны перемещаться между мирами через сквозную Брешь. Другие – термесы – умеют управлять временем. Идеально, если те и другие работают вместе.

– Это как? – спросила Евдокия.

Вики-Вики объяснил, что аписы помогают удержать мир на краю, а термесы устраняют последствия. Обычно после вмешательства появляются разные временные линии, разные варианты развития событий. Термесы убирают лишнее.

– Если этого не сделать, воцарится хаос, – продолжал вождяк. – Представь себе, что человек, например, выращивает тыквы и мечтает создать семью. До проблем мира он не дорос. Жизнь его ничто не омрачает. Ну разве что сосед – насмехается и тоже хочет в жёны его девушку. И вот у человека на руках все варианты его жизни. И он проживает их одновременно. Женится – не женится, вырастит тыквы – вырвет их с корнем, убьёт соперника – пощадит соперника или даже станет его лучшим другом.

– Не представляю, – призналась Евдокия.

– И не надо. От этого можно сойти с ума. Если ты не термес, конечно.

– Что-то не верится, – сказала Евдокия. – У меня нет никаких сверхспособностей.

– Ну, вероятно, всё-таки есть, если ты попала сюда, – возразил кадарх. – Зачем ты явилась на землю Тланы?

– Не знаю.

Лев недоверчиво покачал головой.

– Обычно гению известны такие вещи. Кто тебя инициировал?

– Меня – что сделал? – не поняла она.

– Научил тому, что умеешь. Пробудил твои способности.

– Но меня никто не... как это... не будил, в общем. Само собой получилось.

Вики-Вики шумно выдохнул. Усы встопорщились.

– Так не бывает, – сказал он. – Ты либо врёшь, либо... Либо ты очень сильная.

– А вы откуда знаете, ну... про странников, или гениев? – спросила Евдокия.

– Мы особое племя. Но мы не мешаемся в дела людей. В дела гениев тем более. Придёт время, ты всё узнаешь сама.

– Тогда расскажите мне про землю Тланы! – попросила она.

Кадарх улыбнулся.

– Попроси об этом Мике.

Этот мир сотворён огромной Рыбой. Сначала она создала небо и всё, что на небе, потом воду Тланы, землю Тланы и всё, что внутри земли.

Потом заселила воду и землю Тланы всякой живностью, зверем, рыбой и птицей. А напоследок из глаза её родился человек, а из уха – кадарх, и Рыба, утомившись, уснула.

А когда проснулась, то увидела, что люди и кадархи расселились по всей земле Тланы, построили города, и корабли, возделали сады и поля: люди на суше, кадархи под водой. И всё, что они создали без помощи Рыбы, оказалось очень красивым.

И Рыба возревновала, и рассердилась, и стала всё разрушать.

Она в ярости была хвостом, и поднимались гигантские волны, и топили сушу, и люди гибли вместе со своими городами, и корабли тонули. Она металась, как безумная, так что дно океана вздымалось и покрывалось трещинами. Раньше была большая суша и огромный океан, но от рыбьей пляски земля Тланы раскололась на тысячи маленьких островов, и стало так, как сейчас.

В конце концов пришёл Небесный Рыболов и устроил Рыбу. И она покорила, потому что, хоть и сотворила всё сущее, была всего лишь рыбой.

– Он её убил? – спросила Евдокия.

– Нет, поймал в сеть и обездвижил. Она до сих пор лежит где-то ниже самого глубокого дна океана и время от времени пытается вырваться, – ответил Мике.

– Откуда пошла вражда кадархов и людей?

– Когда Рыболов боролся с Рыбой, он поранил её. И это было плохо, потому что кровь Рыбы отравила мир, с тех пор ненавистный ей. Вражда людей и кадархов замешана на этой крови.

– Что еще за кровь?

– Вот она, – Вики-Вики похлопал ластом рядом с собой.

Евдокия вгляделась, но ничего похожего на кровь не увидела.

– Гортанзия. Она всё для этого мира. Люди строят из неё дороги, дома, мосты. Огромная твердыня Крона целиком отлита из гортанзии.

– Какая твердыня? – переспросила Евдокия.

– Крона Веймата. Это верховный правитель людей, – пояснил Мике.

– Да, – согласился Вики-Вики. – Гортанзию добывают из скважин, что берут начало как раз там, ниже самого глубокого дна океана. Она изливается оттуда раскалённой и жидкой, словно мёд, а застывая, становится прочнее любого самого твёрдого камня. Пока она жидкая, ей можно придать любую форму. Она светится в темноте и согревает от холода. Дома из гортанзии греют своих обитателей, а дороги и мосты освещаются даже в самую тёмную ночь.

Вики-Вики замолчал и словно бы погрузился в раздумья.

– А дальше? – осторожно спросила Евдокия.

Вожак с шумом втянул носом воздух.

– Люди слишком увлеклись добычей гортанзии, – продолжал он. – Они опустошили чрево земли Тланы, и теперь она сжимается, как воздушный шар, из которого выпустили воздух. Острова сближаются, сокрушая мосты и переходы между ними. Не исключено, что острова в конце концов раздавят друг друга. Или их затопит, потому что год от года приливные волны становятся всё огромнее, а штормы свирепствуют круглый год. Времена года беспорядочно сменяют друг друга. Рыбаки занимаются своим промыслом с риском для жизни, потому что выходить в открытый океан при такой погоде смерти подобно. И так везде.

– А при чём здесь кадархи?

– Дно океана тоже меняется. Оно сдвигается, плиты на-ползают друг на друга. В местах разлома появляются настоя-щие горы. Они запечатывают скважины с гортанзией. А лю-ди думают, что это мы препятствуем им добывать драгоцен-ную лаву.

– Очень глупо, если учесть, что кадархи делились с людьми, когда её стало не хватать. Кастубы ведь остывают первыми, а налымы еще продолжают источать гортанзию, – вмешалась львица.

– Но ведь вы тоже строите свои налымы из неё, – заметила Евдокия.

Вожак усмехнулся.

– Кадархи не такие жадные, как люди. Мы всегда поль-зовались только природными скважинами, и брали столь-ко, сколько нужно, а не протыкали землю Тланы насквозь в стремлении вычерпать её до дна.

– А вы не пробовали как-то поговорить, объясниться? – поинтересовалась Евдокия.

– Да, конечно. Только переговоры ни к чему не привели. Большинство из них предпочло перейти к обвинениям, а не к согласию. Неожиданно оказалось, что мы не равные им су-щества, а всего лишь животные, – насмешливо произнес ка-дарх.

– Это из-за того, что мы похожи на тюленей, – снова вме-шалась львица. – Тоже весьма глупо. Мы же не обвиняем лю-дей в сходстве с обезьянами, – фыркнула она.

– То, что происходит сейчас, можно назвать скрытой войной, – печально подытожил вожак. – Люди не хотят понять, что кадархи тоже страдают. Это их ещё не тронули подводные землетрясения, а мы уже знаем, что это такое! Они всегда возникают неожиданно, эти землетрясения. Дно просто уходит вниз. А через полчаса перед тобой совсем другая картина. И всё это в полнейшем безмолвии.

– А среди кадархов есть такие, что враждебно относятся к людям?

– К сожалению, да, – признал вожак. – Некоторые, не выдержав глухой вражды, всех этих ловушек, отравленной воды и массовых облав... Да-да, – грустно покивал он. – Потеряв терпение, они собрались в отдельную воинственную общину и ушли к западным берегам Жемчужной гряды. Там пока ещё сохранился прежний климат.

8.

Появился Лаки. Увлечённая беседой, Евдокия не заметила, как тот подплыл и выжидательно замер позади отца. Наконец вожак обернулся к сыну. Они заговорили о чём-то на своем языке. Евдокия не понимала ни слова, но тревожные интонации настораживали.

Мике тоже хмурился.

– Ты понимаешь, о чём они? – вполголоса спросила она, кивая на кадархов.

– Примерно. Про отца. И про лодку. И про разрушенный

переход. Что-то вроде того. Я толком не разобрал.

– Не разобрал! – передразнила Евдокия. – При твоём опыте общения с кадархами можно бы рассчитывать на большее!

– Знаешь, раньше мне и этого хватало! – огрызнулся мальчишка. – Язык кадархов, между прочим, намного сложнее человеческого.

– Или они сообразительнее, – возразила Евдокия.

– Может, и так, – не стал спорить Мике.

В тревожном ожидании прошло несколько минут. Потом появился Ники (кажется, он) и сообщил, что народ на берегу взбудоражен ночным происшествием. По версии людей, коварные морские бестии разбили лодку и разрушили гортанзиевый мост. А ещё кадархи похитили Мике, пользуясь доверчивостью мальчишки.

Но некоторые жители посёлка утверждали другое, а именно, что Мике перекинулся на сторону врагов. По словам Халмике-старшего, они и его бы не пощадили, но он героически отбивался.

– При чём здесь мост? – мрачно произнёс Мике. – Они сейчас везде рушатся.

– Это так. Но сейчас у людей во всех бедах виновны кадархи, – спокойно возразил Ники.

– Надо немедленно плыть вверх и рассказать всё, как было на самом деле, – вскочил Мике.

– Повремени. Дождёмся решения совета.

Внутри налыма началось какое-то движение. Без суеты и

спешки львицы и лвята покидали убежище. Примерно через полчаса ребята оказались в окружении мужского населения общины. Трое вожаков заняли главное место в центре. Воцарилось молчание.

Потом кадархи заговорили. На своём языке. Евдокия предпочла бы, чтобы они говорили по-человечески, но так далеко вежливость подводного народа не заходила. А может, и впрямь они касались таких вопросов, лезть в которые человеческим детёнышам не полагалось.

Она покосилась на Мике. Тот напряжённо вслушивался, морщил лоб и иногда шевелил губами. Евдокия вздохнула. Казалось, будто она медленно продвигается дальше и дальше, освещая путь маленьким фонариком, и видит всего лишь на пару шагов вперёд. Это порядком утомляло.

Лаки внезапно дёрнулся вперед с протестующим возгласом. Его тут же одёрнули. Молодняк тоже присутствовал на совете, но правом голоса пока не обладал.

Наконец наступила тишина, и все обернулись к ним. Евдокия напряглась. Рядом беспокойно заёрзал Мике.

– Совет требует решения, – объявил Вики-Вики.

Второй вожак высоко поднял голову.

– Вы должны вернуться к своему племени, – произнёс он, глядя на Мике и Евдокию. – И забыть о дружбе с кадархами.

– Что? – не понял Мике.

– Кадархи не мешаются в дела людей, – продолжал вожак.

– Если они и помогают им, то только ради того, чтобы люди

не наделали больших бед, по злобе или по невежеству. Союз между кадархом и человеком невозможен.

– Неправда! – выкрикнул Мике.

Он вскочил, выискивая глазами Лаки. Тот смотрела на него. Но молчал.

– Я всё сказал, – подытожил вожак.

Вперёд выступил Вики-Вики.

– Всё верно: кадархи никогда не дружили с людьми, – его голос прозвучал глухо. – Однако до сих пор никто из людей не рисковал собою ради нас. Если мы отправим Хал-Мике и Ев-Даки домой, люди узнают правду, и дети могут поплатиться жизнью за своё благородство. Я думаю, надо взять их под защиту.

В толпе поднялся гул. Евдокия не могла бы сказать, каких возгласов слышалось больше, одобрительных или протестующих.

– Пусть третий вожак скажет последнее слово!

А это умно, – подумала Евдокия, – когда трое: голосов никогда не будет поровну, а всегда большинство или меньшинство. Конец этой мысли настойчиво вертелся в голове, пытаясь заглушить зудящую тревогу: «боль-шин-ство – мень-шин-ство, боль-шин-ство – мень-шин-ство, боль-шин-ство...»

Что говорил третий, она не слышала. Что-то о благородстве... или вероломстве... или благодарности... «Боль-шин-ство – мень-шин-ство» гасило все звуки.

– Каждый должен жить со своим племенем. Кадархи не мешаются в дела людей, – заключил вожак.

«Мень-шин-ство» – мысленно договорила Евдокия.

На Мике было больно смотреть. Бледный и растерянный, он оглядывался по сторонам, но помощи ждать было неоткуда. Кадархи не отводили взгляда. Их чёрные глаза были безмятежны, как зеркало.

– Вас проводят наверх, – сказал третий вожак. – Лаки, ты проводишь. Заодно попрощаетесь.

9.

В воде кадархи напоминали почему-то диковинных воздушных змеев. Плавно двигаясь в прозрачной зеленоватой воде, они, казалось, исполняли какой-то безмолвный танец.

Евдокия заворожённо следила за ними и совсем не ощущала подъёма. А поднимали их способом необычным.

Когда рождается маленький кадарх, первые дни своей жизни он проводит в прозрачном коконе, который из собственной слюны соорудила мама к моменту его появления на свет. Получается большое прозрачное яйцо, на удивление прочное. Внутри сухо, тепло, уютно, есть воздух, которым львёнок может дышать до того момента, пока не окрепнет настолько, чтобы выбраться наружу.

Вот в одном из таких коконов они и поднимались.

Внизу раскинулся целый город. Купола налымов едва угадывались среди узких туннелей и раструбов, по которым в

налымы поступал воздух. Они переплетались друг с другом – казалось бы, хаотично. Но чем дальше, тем явственнее становилось, что это беспорядочное переплетение на самом деле составляет какой-то безумно сложный рисунок, который, однако, никакой системе не подчинялся. Гигантская импровизация – вот что это было такое. Песня, случайно коснувшаяся воды, да так и застывшая в плену океанской глубины.

Между изгибами туннелей плавно качались водоросли, казавшиеся серебряными из-за того, что были усеяны воздушными пузырьками. Струйки этих пузырьков время от времени поднимались, а очертания дна расплывались где-то далеко внизу, отчего казалось, что налымы подвешены в воздухе на тонких нитях. А кораллы – розовые, алые, белые, оранжевые – всех оттенков, от ярких до приглушённых – заворачивались так замысловато, и в то же время так изысканно-просто, что вряд ли они так выросли сами по себе. Потом они увидели лоскутки... нет, пространства... нет, поля, покрытые узорами из жемчуга и гладких камней.

Да, кадархи любили красоту. Глядя на всё это, не хотелось вспоминать о том, что подводный народ бросает двоих детей на милость судьбы. Однако стоит ли осуждать их за это? Они всегда жили сами по себе.

Мике исподлобья посмотрел на Евдокию и отвернулся. Как будто это она виновата в том, что его дружба с кадархом дала такую трещину!

Они прибыли к месту упомянутого разлома. Это выгля-

дело так, будто мост с силой подперли снизу, заставив цельную плиту треснуть пополам и вздыбиться уродливой складкой. По словам Вики-Вики выходило, что так сжимается истерзанная земля Тланы, попутно сбрасывая с себя ненужную шелуху. Евдокию кольнула тревога: интересно, до какого предела планета может усохнуть? А вдруг она исчезнет совсем? И никакая сквозная брешь мироздания не поможет Евдокии-страннице вернуться обратно, в свой родной мир?

Мике поднял голову и хмуро оглядел горизонт.

– Прощай, Хал-Мике, – произнёс Лаки ровным голосом.
– Постарайся понять. Мы не можем идти против своего племени.

– Я же смог пойти против своего, – возразил Мике.

– У вас всё по-другому.

И что-то похожее на вздох сожаления.

Кадархи один за другим стали удаляться от берега. Мике не смотрел в сторону, куда скрылись бывшие друзья. Он снял с шеи свисток-ракушку и бросил его на песок. Евдокия, шедшая следом, задержалась и подняла.

– Брось! – потребовал Мике.

– Щас!

Вообще-то она хотела всего лишь рассмотреть свисток поближе, но требовательный тон мальчишки её возмутил, и она решила оставить серебристую раковину себе.

– Брось! Зачем тебе это теперь?

– Не твоё дело!

Мике помолчал секунду. Потом пожал плечами:

– Как хочешь.

Засунув руки в карманы, он двинулся по направлению к посёлку. При свете дня Дрангобе выглядел ещё более неприступно. Серые дома смотрели исподлобья. Рыболовные сети, вывешенные почти возле каждого из них, гигантской неряшливой паутиной охватывали островок.

И тут из-за поворота вышли женщина с девочкой. Обе тащили по мешку за спиной. Мешки были чем-то набиты. Женщина впридачу несла ещё и сумку. Девочка на ходу обеими руками оттягивала верёвки, врезавшиеся в плечи. Лица у обеих были озабоченными.

Заметив их, Мике оживился.

Они поравнялись.

– Добрый день, тетя Левана, – поздоровался мальчик. – Привет, Нима!

Женщина окинула его хмурым взглядом.

– Здравствуй, – не сразу ответила она.

И пошла дальше. Зато девочка, увидев Мике, остановилась и открыла рот, собираясь что-то сказать.

– Ринама! – строго окликнула мать.

Девочка сделала большие глаза и, поправив свою ношу, устремилась вслед за матерью.

– Нима, – растерянно произнес Мике ей в спину.

Девочка напряглась, подняв плечи. Но оглянуться не посмела. Мике засопел.

– Пошли отсюда, – бросил он Евдокии.

– Кто это?

– Так. Знакомые.

– Послушай, у вас здесь все такие дружелюбные, как её мамаша? – поинтересовалась она.

Мике ответил не сразу. Он шагнул, снова сунув руки в карманы и подняв плечи.

– Первый раз её такой вижу, первый раз, – наконец признался он. – Мы с Нимой вообще-то всегда играли вместе, и когда были маленькими, и сейчас. И в гостях я у них бывал. Левана ничего против не имела. Наоборот, жалела всегда. Не понимаю...

– А... – начала Евдокия.

Но продолжить не успела. За спиной послышались чьи-то шаги. Одновременно обернувшись, они увидели Ниму.

– Думала, не успею, не успею, – девочка слегка запыхалась, дышала часто. – Не ходи домой, Мике, не ходи! – горячо заговорила она.

– Почему?

– Все такие злые! У старосты лодка разбилась. У моего отца сеть порвана, только вчера её наладили. И еще у многих. Переход сломан. И рыба совсем ушла. Мы теперь с голоду умрём!

– А я тут при чём?

– Все знают, что ты дружишь с кадархами. Думают, ты тоже виноват.

Мике с изумлением смотрел на неё.

– И ты всерьёз считаешь, что во всём виноваты кадархи?

– Я не знаю, – прошептала она, потупившись.

Евдокия хмыкнула. Нима бросила на неё сердитый взгляд и тут же снова отвела глаза.

– Ночью с островов Жемчужной гряды пришли люди, – сказала она. – Там хорошие земли, но кадархи прогнали оттуда людей.

По её рассказу, это не люди ставили ловушки для своих океанских соседей, как рассказывал Вики-Вики, а наоборот, кадархи изводили людей всякими подобными вещами. Открыто нападали на рыбаков, выходивших на промысел, загоняли их в собственные сети и топили лодки.

Мике недоверчиво качал головой.

– Я должна идти, – спохватилась Нима. – Еле убежала от матери. Она с меня глаз не спускает. А ты уходи отсюда, Мике, уходи! – повторила она.

– Куда? – криво усмехнулся он.

– Не знаю. Земля Тланы велика. Ты хотел найти какого-то науча из Кронады. Вот и иди к нему.

Нима потопталась на месте. Потом беспокойно оглянулась.

– Я пойду, Мике. Мать, наверное, спохватилась уже. Прощай, – помедлив, сказала она.

Мике медленно кивнул.

– А если хочешь, возьми меня с собой, если хочешь, я пой-

ду с тобой! – быстро проговорила Нима.

– Нет! – отрезал Мике.

Девочка подняла голову, взглянула на Евдокию и закусила губу.

10.

Кто первым начал – теперь неважно. Но жаль, если исчезнет прекрасный мир с его удивительными налымами, гроздьями воздушной паутины и текучими водорослями. Да и сам подводный народ... Кадархи не стремились к дружбе с людьми. По большому счёту они хотели жить сами по себе, – размышляла Евдокия. Люди же негодовали, если кто-то посмел отвергнуть их дружбу. Тогда они переходили к вражде. Всё совсем как у нас...

На стук вышел сам Халмике-старший. Оглянулся по сторонам и наклонился к сыну.

– Тебе сюда нельзя, нельзя, – проговорил он, качая головой.

Мике презрительно фыркнул.

– Не беспокойся, я здесь не за тем, чтобы просить защиты. Расскажи всем, что произошло на самом деле. Это всё, что от тебя требуется.

Халмике всплеснул руками.

– О боги океана! Я не прогоняю тебя! Я просто не смогу тебя защитить, не смогу!

– Кто бы сомневался, – хмыкнул Мике. – Так расскажешь

или нет? Только не уверяй, что Лаки в самом деле пытался тебя похитить.

– Ты думаешь, мне поверят?

– А ты попробуй!

– Чтобы оказаться в подводном поселении кадархов с камнем на шее?

– Хотя бы совесть будет чиста!

– Мике, я... – начал отец.

Но тут послышался шум. Судя по всему, сюда приближались люди. Много людей.

– Уходи! – умоляюще произнес Халмике.

Он подтолкнул сына, потом сделал движение, будто собирался следом за ним, но замер, и только посмотрел вслед ему, часто моргая. В окне дома Евдокия успела увидеть Риду. Евдокия не удержалась и показала ей кулак.

Они нырнули на соседний двор, пробрались мимо развешенных сетей и хозяйственных построек, пролезли сквозь узкую щель в заборе, протиснулись куда-то ещё... Один раз им пришлось пролезать под забором, минуя заросли какой-то пахучей травы, щедро осыпавшей их бледно-жёлтой пылью.

– Что с нами сделают, если поймают? – поинтересовалась Евдокия, переводя дыхание.

– Побьют камнями и пустят ко дну.

– А если пожаловаться правителю? Этому вашему... Кро-ну Веймату? Существуют же права ребёнка, в конце концов!

Мике как-то странно на неё посмотрел.

– Ну... Или права человека, – менее уверенно добавила она.

– Не знаю, о чём ты. Крон Веймат вряд ли про нас узнает. Ему ни до чего нет дела, особенно после того, как он потерял обоих своих сыновей. У нас всё решается на месте. А если кому-то придёт в голову жаловаться, то вернее всего пострадает он сам.

– И что, за убийство двоих детей никому ничего не будет?

– Это будет не убийство, а правосудие, – назидательно сказал Мика. – И не детей, а предателей и заговорщиков.

Евдокия покачала головой.

– Беспредел какой-то, – пробормотала она. – Хотя что я... Каменный век же! У вас и школ-то, наверное, нет.

– Почему это нет? – неожиданно обиделся Мике. – Что мы, дикари, что ли? Есть у нас школы! На Золотых островах целых две! Только они для крон-отпрысков и для знати.

– А-а, ну да, это сильно! – насмешливо произнесла Евдокия. – И чему же их там учат? Что земля плоская и стоит на трёх китах?

– Первый раз слышу, – пожал плечами мальчишка. – Каждый рыбак знает, что земля Тланы имеет форму шара.

– Ты смотри, какие продвинутые пещерные люди!.. Что с тобой?

Мике смотрел ей за спину. Обернувшись, она увидела приближавшуюся к ним уже знакомую компанию Сима.

Однако совсем близко хулиганы не подошли, остановились в отдалении. Несколько минут все молчали, оглядывая друг друга. Сердце у Евдокии бешено колотилось, она не знала, от волнения или от того, что ещё не успела отдышаться после бега. Пока все молчали и стояли, но этот момент, затянувшись, грозил из благоприятного обстоятельства превратиться как раз в противоположное. Поэтому...

– Эй! – окликнула их Евдокия. – Давно не виделись! Желаете фейерверк в вашу честь?

Она изо всех сил старалась, чтобы слова звучали твёрдо, и даже вызываяюще, но единственное, чего ей удалось добиться, так это унять дрожь в голосе. Зажигалки у неё при себе больше не было. Правда, Сим этого не знал.

– Ну что застыли?

Сим напрягся, но не отступил. Евдокия не успела придумать, что делать дальше. Голоса раздались совсем неподалёку. Жители Дрангобе шли по их следам. Сим торжествующе оскалился.

Мике дернул её за руку, заставив отступить на шаг. Только на шаг. На один маленький шажочек. И в тот же миг Евдокия поняла, что они проиграли.

– Держи их! – торжествующе крикнул Сим.

– Держи, держи! – радостно подхватили остальные.

И они снова побежали. Ни закоулка, ни подворотни, куда можно было бы нырнуть. Кривые, одноэтажные домишки, похожие друг на друга, как грязные дети.

Они нырнули за высокий забор, проскочив в крошечную лазейку. А крики преследователей слышались снова, и ей казалось, что их сейчас всё-таки настигнут, просто потому что, кроме забора, никакого укрытия не наблюдалось, и куда им было деваться?

– Сюда! – скомандовал Мике.

Они спрыгнули в какую-то канаву. На дне его застыла гортанзия, а стены были земляные, плотные, все пронизанные корнями растений, длинными и прочными. Они бежали по дну этого жёлоба в одном направлении, и, кажется, по спирали.

– Где это мы? – спросила Евдокия, когда они наконец остановились.

– В лабиринте возле кастуба... Здесь раньше... добывали гортанзию... Очень давно, – тяжело дыша, ответил Мике.

Евдокия огляделась. Так значит, по этому лабиринту текла драгоценная лава... Она в изнеможении прислонилась к стене жёлоба. До чего гадко ощущать себя загнанной дичью! До того момента, как они побежали, ещё можно было попытаться чего-то добиться, но уж если показал спину – всё, конец! Догонят и растерзают. А как не бежать? Они вдвоем вряд ли справились бы с толпой разъярённых людей.

– Ты уверен, что здесь нас не найдут? – спросила Евдокия.

– Почти. Брошенное место считается проклятым. А мне всё равно, я сам такой!

– Проклятый, что ли?

– Брошенный!

Евдокия помолчала.

– Может, ты преувеличиваешь? – осторожно спросила она.

Мике ответил не сразу.

– Несколько лет назад в Дрангобе приходил один науч, – наконец начал он.

– Кто такой науч?

– Тот, кто умеет читать и писать и может объяснить всё, что происходит в мире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.